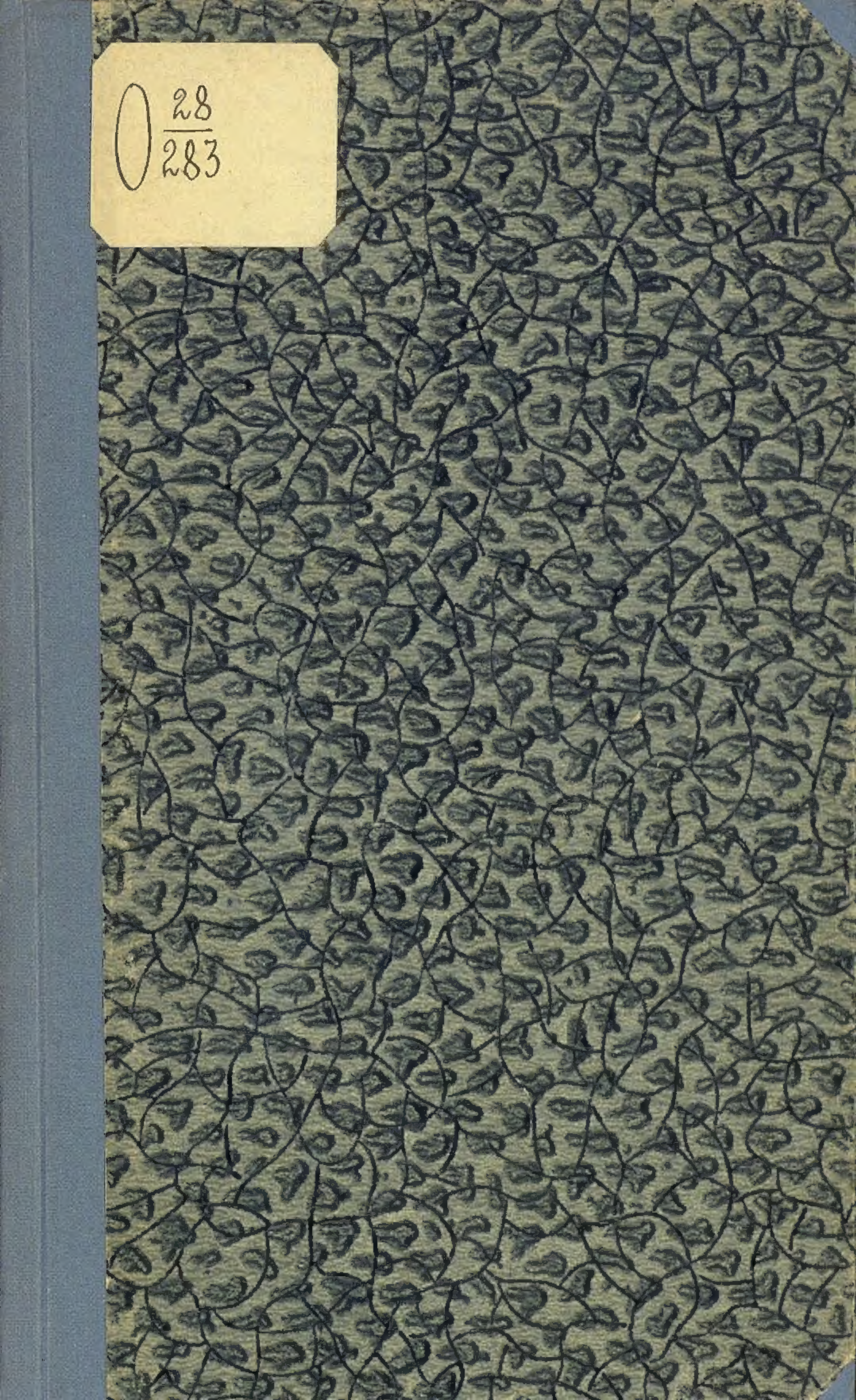

O 28/283

КРИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ МНѢНІЙ

ПО ПОВОДУ ВОПРОСОВЪ

ОБЪ УБІЕНІИ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ

И О ЛИЧНОСТИ ПЕРВАГО САМОЗВАНЦА.

По смерти царя Іоанна Васильевича Грознаго, осталось два сына и наслѣдника: Ѳеодоръ и Димитрій Іоанновичи. Бремя правленія государствомъ должно было перейти въ руки старшаго изъ нихъ, Ѳеодора Іоанновича, что было тяжко для его души, которая, какъ бы самою природою, была обречена на вѣчное малолѣтство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на зависимость отъ другихъ. На престолѣ Россійскомъ, послѣ Грознаго владыки, долженъ былъ явиться человѣкъ, рожденный болѣе для келліи, нежели для державной власти. Іоаннъ Грозный ясно видѣлъ неспособность своего наслѣдника къ такому великому дѣлу, каково правленіе государствомъ, предугадывалъ тѣ бѣдствія, которыя должны были постигнуть Россію, и искалъ средства помочь отчизнѣ. Средство же для этого было только одно. Для Ѳеодора необходимы были умные и ревностные помощники и Іоаннъ Грозный, умирая, ввѣрилъ правленіе

государствомъ знатнѣйшимъ вельможамъ. Число этихъ вельможъ передается нашими лѣтописцами не одинаково. Одни называютъ только двухъ: князя Ивана Θеодоровича Мстиславскаго и Никиту Романовича Юрьева; другіе присоединяютъ къ нимъ князя Ивана Петровича Шуйскаго и наконецъ третьи упоминаютъ о Борисѣ Годуновѣ и о Борисѣ Яковлевичѣ Бѣльскомъ. Рѣшать вопросъ о томъ: дѣйствительно ли каждый изъ этихъ вельможъ имѣлъ право принимать участіе въ правленіи государствомъ, нѣтъ необходимости. Для насъ важно только свидѣтельство лѣтописца, что Іоаннъ Грозный, подобно своему отцу, оставлялъ судьбу государства въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ. Подобное распоряженіе Грознаго могло имѣть только одно послѣдствіе: первыя времена правленія Θеодора Іоанновича должны были ознаменоваться тѣми же раздорами между вельможами, которые потрясли государство во время младенчества его отца. И въ самомъ дѣлѣ: тотчасъ же по смерти Грознаго, при дворѣ явились партіи. Одни изъ вельможъ, въ числѣ которыхъ были Романовы (Ник. Θеод.) и Годуновъ, держали сторону Θеодора Іоанновича, другіе, въ главѣ которыхъ стояли Бѣльскіе и Нагіе, старались выставить царевича Димитрія, какъ болѣе законнаго наслѣдника. Силы партій были неравномѣрны и сторонникамъ Димитрія пришлось уступить. Нагіе вмѣстѣ съ царевичемъ Димитріемъ должны были отправиться въ Угличъ; Бѣльскій же остался въ Москвѣ и, склонивъ на свою сторону Стрѣльцовъ, думалъ силою достигнуть исполненія своего плана. Но приверженцы Θеодора предупредили это насиліе. Въ городѣ вспыхнулъ мятежъ. Мятежники приступили къ Кремлю и требовали выдачи Бѣльскаго, обвиняя его въ смерти Іоанна Грознаго и въ злыхъ замыслахъ

противъ самого Θеодора. Дѣло кончилось тѣмъ, что Бѣльскій долженъ былъ отправиться въ Нижній-Новгородъ. Все это происходило еще до вѣнчанія Θеодора Іоанновича.

Вскорѣ по вступленіи Θеодора Іоанновича на царство, умираетъ Никита Романовичъ Юрьевъ. Мѣсто его при царѣ занимаетъ Годуновъ, и съ этихъ поръ начинается явная къ нему ненависть старинныхъ бояръ Русскихъ. Самою враждебною Годунову изъ всѣхъ фамилій княжескихъ выступаетъ фамилія князей Шуйскихъ. Шуйскіе, прославившіеся многими заслугами, ободренные многочисленными приверженцами, въ числѣ которыхъ первое мѣсто, по своему вліянію на царя, занималъ самъ митрополитъ, составляютъ заговоръ на жизнь Бориса. Но заговоръ былъ открытъ и многимъ изъ участниковъ пришлось поплатиться жизнью: князь Иванъ Θеодоровичъ Мстиславскій былъ схваченъ, постриженъ въ монахи и сосланъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь; Воротынскій, Головины и многіе другіе разосланы по дальнимъ городамъ и посажены въ темницы; но хитрые Шуйскіе успѣли спастись на этотъ разъ, и Годуновъ не смѣлъ еще почитать себя совершенно безопаснымъ. Онъ понималъ, что избавился только отъ враговъ второстепенныхъ, и что Шуйскіе, видя гибель своихъ приверженцевъ, будутъ дѣйствовать еще осторожнѣе, но въ то же время рѣшительнѣе. И въ самомъ дѣлѣ: скоро Шуйскіе, чтобы погубить Годунова, отважились на крайнее средство. Вполнѣ понимая, что могущество его много зависитъ отъ родства съ царемъ, они ясно видѣли, что безъ этого орудія онъ не былъ бы въ состояніи такъ упорно бороться съ ними, и потому положили уничтожить эту родственную связь между выходцемъ и вѣнценосцемъ. Былъ составленъ

планъ: отъ лица бояръ и торговыхъ лицъ бить челомъ царю о томъ, чтобы онъ развелся съ неплодною царицею Ириною и вступилъ бы въ бракъ съ другою дѣвицею (сестрою кн. Ѳед. Ив. Мстиславскаго), отъ которой бы можно было ожидать наслѣдника престола. Разсчетъ былъ вѣренъ: царь, уступивъ законной, по-видимому, просьбѣ выборныхъ лицъ, развелся бы съ царицею Ириною и тѣмъ самымъ заставилъ бы Годунова сойти съ той высоты величія, на которую тотъ уже успѣлъ стать. Но, къ несчастію, Борисъ свѣдалъ объ этомъ замыслѣ прежде его исполненія и на этотъ разъ также успѣлъ пересилить своихъ враговъ. Понявъ, что успѣхъ этого дѣла для его враговъ главнымъ образомъ зависитъ отъ митрополита Діонисія, онъ является передъ святителемъ и своимъ краснорѣчіемъ убѣждаетъ его въ несправедливости и безполезности развода, выставляя на видъ будущее несчастіе, которое непремѣнно постигнетъ государство, какъ слѣдствіе неминуемыхъ споровъ за престолонаслѣдіе между будущими дѣтьми Ѳеодора и ихъ дядею — Димитріемъ. Обманутый, можетъ быть, сею кротостію, Діонисій извинялся, стараясь извинить и своихъ единомышленниковъ ревностною, боязливою любовію къ спокойствію Россіи, и далъ слово за себя и за нихъ не думать о предполагаемомъ разводѣ.

Обезопасивъ себя на время, съ этой стороны, Годуновъ обратилъ вниманіе на Шуйскихъ и, во что бы то ни стало, рѣшился погубить ихъ; но трудно было исполнить это намѣреніе. Явиться передъ Шуйскими явнымъ мстителемъ было бы въ высшей степени неразумно. Это значило самому обвинить себя и оправдать Шуйскихъ въ глазахъ народа. И Годуновъ презрѣлъ это средство.

Онъ избралъ другое, которое привело къ тому же результату, но разнилось отъ перваго тѣмъ, что послѣ погибели Шуйскихъ никто не смѣлъ сказать, что они погибли чрезъ Годунова. Средствомъ для достиженія цѣли послужилъ Борису ложный доносъ на Шуйскихъ, представленный однимъ изъ ихъ слугъ — Ѳеодоромъ Старымъ. Этотъ слуга явился во дворецъ и объявилъ, что Шуйскіе находятся въ заговорѣ съ купцами Московскими и думаютъ измѣнить царю. Шуйскіе тотчасъ же были схвачены. Былъ наряженъ судъ и дѣло кончилось тѣмъ, что главные члены этой фамиліи погибли. Князь Андрей Ивановичъ, объявленный главнымъ преступникомъ, долженъ былъ отправиться въ Каргополь, Иванъ Петровичъ былъ сосланъ на Бѣлоозеро, князь Василій Ѳеодоровичъ Скопинъ-Шуйскій лишился Каргопольскаго намѣстничества, но получилъ право остаться въ Москвѣ. Прочіе единомышленники князей Шуйскихъ были разосланы по дальнимъ городамъ.

Сломивъ Шуйскихъ, Годуновъ не могъ остаться покойнымъ: у него былъ еще противникъ, гораздо сильнѣйшій Шуйскихъ, митрополитъ Діонисій, по своему сану, имѣвшій огромное вліяніе на царя, и чрезъ то самое способный болѣе чѣмъ кто-нибудь повредить Годунову, и теперь, когда погибли Шуйскіе, между Діонисіемъ и Борисомъ должна была начаться борьба, въ который, также какъ и во всѣхъ, суждено было Борису одержать верхъ. Митрополитъ Діонисій, свѣдавъ о погибели Шуйскихъ, которымъ всегда покровительствовалъ, не могъ остаться равнодушнымъ. Онъ явился предъ царемъ, представилъ всю незаконность суда, совершеннаго надъ Шуйскими, разоблачилъ всю гнусность клеветы, взведенной на нихъ,

по старанію Годунова, но этою правдою не только не улучшилъ участи страдальцевъ, но даже повредилъ самому себѣ. Годуновъ успѣлъ оправдаться и вскорѣ митрополитъ Діонисій вмѣстѣ съ Крутицкимъ архіепископомъ Варлаамомъ были свергнуты съ престоловъ своихъ и заточены въ монастыри; на митрополичій же престолъ былъ поставленъ Ростовскій архіепископъ Іовъ, человѣкъ, совершенно преданный Борису.

Трудна была для Бориса борьба съ врагами, но онъ одержалъ верхъ. Какое же вліяніе долженъ былъ произвести на душу Годунова этотъ успѣхъ? До-сихъ-поръ онъ сознавалъ свою силу, свое умственное превосходство надъ прочими боярами, изъ которыхъ многіе, можетъ быть, гордились одною только древностію своего рода; онъ понималъ, что по достоинству пользуется принадлежащею ему властію, и потому вступилъ за эту власть въ борьбу страшную, не предвѣщавшую успѣха. И теперь, когда онъ выдержалъ эту борьбу, смогъ одолѣть всѣ козни враговъ, то не долженъ ли былъ чрезъ то самое еще болѣе возвыситься въ собственныхъ глазахъ? И если онъ, прежде, только крѣпко стоялъ за свое достоинство, за ту власть, которою пользовался, то теперь, естественно, онъ не могъ остаться довольнымъ тѣмъ, что уже упрочилъ за собою; ему запала мысль пріобрѣсти большее — достигнуть престола Ѳеодорова. Но, какъ прежде, для того, чтобы поддержать свое достоинство, онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ боярами, такъ точно теперь, въ исполненіи своего намѣренія, онъ видѣлъ препятствіе въ царевичѣ Димитріѣ, борьба съ которымъ былъ гораздо труднѣе. Его не льзя было заключить въ темницу, подобно Шуйскимъ и другимъ вельможамъ; не льзя было также и оклеветать

предъ царемъ. Въ глазахъ народа онъ всегда остался бы законнымъ наслѣдникомъ, и Борисъ не достигъ бы своей цѣли. Чтобы отстранить Димитрія отъ престола, для этого было только одно средство, средство ужасное—убіеніе его Трудно было рѣшиться Борису на такое преступленіе, но еще труднѣе было разстаться съ мыслію о престолѣ. Желаніе верховной власти заглушило самое священное чувство въ душѣ честолюбца и царевичъ погибъ насильственною смертію.

Мы почитаемъ необходимымъ обратить болѣе подробное вниманіе на разсмотрѣніе этого дѣла, какъ для того, чтобы оправдать высказанное уже нами мнѣніе касательно главнаго виновника этого злодѣянія, такъ и для того, чтобы, по возможности, опровергнуть мнѣнія противоположныя нашему.

Тотчасъ по смерти Іоанна Васильевича Грознаго, царевичъ Димитрій, вмѣстѣ съ своею матерью и родственниками Нагими, былъ отправленъ въ Угличъ. Это удаленіе Димитрія не было дѣломъ одного только Бориса, а всѣхъ вельможъ, державшихъ сторону Θеодора. Такое мнѣніе подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что Борисъ тогда не имѣлъ еще такой власти, чтобы могъ располагать участью державнаго отрока (*); а во-вторыхъ, — свидѣтельствомъ Авраамія Палицына, который прямо говоритъ, что Димитрій былъ удаленъ *всѣхъ начальнѣйшихъ Россійскихъ вельможъ совѣтомъ*. Это свидѣтельство должно имѣть всю силу достовѣрности, если мы обратимъ вниманіе на то, что Авраамій, въ правленіе Годунова, подвергся опалѣ, и слѣдовательно имѣлъ болѣе причины обвинять его, чѣмъ защи-

---

(*) Первое мѣсто при царѣ занималъ Никита Романовичъ Юрьевъ

щать отъ насильственныхъ поступковъ, приписываемыхъ ему другими лѣтописцами.

Димитрій, возрастая въ Угличѣ, подъ руководствомъ матери и родственниковъ своихъ, недоброжелателей Бориса, разумѣется, былъ напитываемъ враждебнымъ духомъ какъ противъ Годунова, такъ и противъ всѣхъ его приверженцевъ. По крайней мѣрѣ, въ Москву доходили слухи, что Димитрій, еще младенецъ, обнаруживаетъ уже ненависть ко всѣмъ приверженцамъ Θеодора Іоанновича, въ особенности къ Годунову, и что своимъ поведеніемъ обѣщаетъ напомнить времена грознаго отца своего, какъ скоро овладѣетъ престоломъ. Были ли эти слухи достовѣрны или нѣтъ, во всякомъ случаѣ они были не радостны, особенно для тѣхъ вельможъ, по старанію коихъ Димитрій долженъ былъ оставить Москву и удалиться въ Угличъ. Они съ ужасомъ представляли себѣ то время, когда престолъ перейдемъ въ руки Димитрія. Съ мыслію объ этомъ они соединяли мысль объ опалахъ, казняхъ, ссылкахъ, которыми не замедлитъ наградить ихъ новый царь. Находясь подъ вліяніемъ грядущаго ужаса, очень понятно то, что они всячески старались погубить Димитрія, но, не рѣшаясь сами совершить злодѣйство, обратились къ Годунову, и изъ него сдѣлали орудіе исполненія своего намѣренія. Значитъ Годуновъ является въ дѣлѣ убіенія Димитрія только главнымъ участникомъ, а не единственнымъ виновникомъ; не одинъ Годуновъ, а всѣ сторонники Θеодора, удалившіе Димитрія въ Угличъ, должны были заботиться объ окончательномъ удаленіи его. Таково мнѣніе одного изъ историковъ XIX столѣтія. Мы, не смотря на всю очевидную основательность этого мнѣнія, не можемъ однакожь принять его за достаточную

причину, объясняющую злодѣйство Борисово, и какъ бы уменьшающую мѣру его. Неуже-ли Борисъ, такъ упорно боровшійся и успѣвшій пересилить всѣхъ своихъ враговъ, могъ въ послѣдствіи допустить ихъ воспользоваться собою, какъ орудіемъ къ совершенію такого злодѣянія? Неуже-ли Годуновъ, съумѣвшій преклонить на свою сторону Іоанна IV, царя грознаго и подозрительнаго, стать выше прочихъ сановниковъ при его преемникѣ, и наконецъ успѣвшій заставить цѣлый народъ дѣйствовать и думать о немъ такъ, какъ ему хотѣлось, неуже-ли этотъ самый Годуновъ могъ рѣшиться на такое злодѣяніе изъ одного только страха къ царевичу, еще младенцу, котораго онъ безъ всякаго труда могъ расположить въ свою пользу? Принявъ такое мнѣніе, мы, по необходимости, должны будемъ смотрѣть на Бориса совсѣмъ иначе, нежели какъ представляетъ намъ его исторія. Мы должны будемъ отказать ему въ томъ гордомъ умѣ, который, разъ предположивъ какую-нибудь цѣль, постоянно, неослабно, не смотря ни на какія препятствія, стремится къ достиженію ея, и чрезъ это постоянство достигаетъ непремѣнно желаемаго. Справедливо ли будетъ такое мнѣніе? Не беззаконно ли будетъ видѣть въ человѣкѣ, который по умственнымъ качествамъ своимъ пріобрѣлъ неоспоримое право на вниманіе потомства, только хитреца и труса? Чѣмъ тогда объяснимъ мы тѣ дѣянія, которыя приписываетъ ему исторія?

Взявъ во вниманіе сказанное нами, мы необходимо приходимъ къ заключенію, что причина, побудившая Бориса къ совершенію убійства, должна быть болѣе важная, заключающаяся въ немъ самомъ, а именно — стремленіе овладѣть престоломъ. Этимъ только (по нашему мнѣнію)

можно объяснить преступленіе Бориса. Но есть ли Борисъ дѣйствительный убійца царевича Димитрія, или нѣтъ? Вотъ вопросъ, рѣшеніе котораго наводитъ каждаго на многія сомнѣнія. Причиною этихъ сомнѣній служатъ разногласія, которыми проникнуты мнѣнія касательно этого предмета. Мы почитаемъ необходимымъ обратиться къ разсмотрѣнію высказанныхъ мнѣній, чтобы, по крайней мѣрѣ, объяснить эти разногласія, если совершенно уничтожить ихъ невозможно.

Наши лѣтописцы, единогласно признавая Бориса убійцею царевича Димитрія, повѣствуютъ объ этомъ кровавомъ событіи такимъ образомъ: Борисъ, замысливъ погубить царевича, старается отыскать людей, которые бы рѣшились совершить такое злодѣяніе. Послѣ долгихъ стараній, онъ, съ помощію окольничаго Андрея Клешнина, находитъ человѣка, вполнѣ надежнаго — Михаіла Битяговскаго; открываетъ ему свое намѣреніе и, обѣщая груды золота, успѣваетъ склонить на свою сторону. Битяговскій, сдѣланный казначеемъ вдовствующей царицы, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Даниломъ и племянникомъ Никитою Качаловымъ, отправляется въ Угличъ. Злодѣи думали сперва совершить убійство тайно, но этого достигнуть имъ было трудно потому, что Димитрій постоянно находился при матери, сердце которой, можетъ быть, уже предчувствовало скорую погибель своего дѣтища и обмануть которую было трудно. Видя такія препятствія, Битяговскій рѣшился на открытое злодѣйство. 15 Мая 1591 г. царица, возвратясь съ сыномъ изъ церкви, готовилась обѣдать; братьевъ ея не было дома, слуги носили кушанье. Въ эту минуту боярыня Волохова позвала Димитрія гулять на дворъ. Царица думала итти съ нимъ же, но остановилась въ какомъ-то

несчастномъ раздумьѣ. Кормилица, предчувствуя, можетъ быть, то зло, которое готовилось ея питомцу, удерживала его; но мамка силою вывела царевича на дворъ. Здѣсь явились: Осипъ Волоховъ, Данило Битяговскій и Никита Качаловъ. Первый, взявъ Димитрія за руку, сказалъ: «государь! у тебя новое ожерелье». Младенецъ, поднявъ голову, отвѣчалъ: «нѣтъ, старое»... Тутъ блеснулъ надъ нимъ убійственный ножъ; но едва онъ коснулся гортани и выпалъ изъ рукъ Волохова. Закричавъ отъ ужаса, кормилица обняла своего державнаго питомца. Волоховъ бѣжалъ; но Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали жертву, зарѣзали и кинулись бѣжать, въ то самое мгновеніе, когда царица вышла на крыльцо...

Такъ разсказываютъ объ этомъ злодѣяніи наши лѣтописцы. Что касается свидѣтельствъ иноземныхъ, то всѣ современники (Паерле, Беръ, Маржеретъ и др.) согласны съ нашими лѣтописцами въ главномъ, именно въ томъ, что Борисъ желалъ погубить Димитрія. Не смотря однакожъ на то единогласіе, которымъ проникнуто сказаніе объ этомъ дѣлѣ какъ нашихъ лѣтописцевъ, такъ и иноземныхъ писателей, мы находимъ возраженія, которыми думаютъ опровергнуть современныя и уже по одному этому, достовѣрныя свидѣтельства.

Вотъ возраженія, которыми стараются заподозрить лѣтописное сказаніе о смерти царевича:

1. Спрашиваютъ: нужна ли была Годунову смерть царевича и видно ли было изъ прежнихъ его дѣйствій намѣреніе погубить несчастнаго сироту. Димитрій родился отъ седьмаго брака Іоаннова и, по тогдашнимъ понятіямъ, едва ли имѣлъ право на престолъ?

На этотъ вопросъ мы должны отвѣчать утвердительно: смерть Димитрія была нужна Борису. Димитрій назывался царевичемъ, все государство признавало его такимъ, начиная отъ царя-брата; имя его поминалось на ектеніяхъ, онъ имѣлъ удѣлъ, былъ окруженъ дворомъ царскимъ; его выставляли не только законнымъ наслѣдникомъ, но даже соперникомъ брата: наконецъ самое удаленіе его изъ Москвы показываетъ, какъ онъ былъ опасенъ.

2) Митрополитъ Діонисій, Шуйскіе и другіе сановники положили ударить челомъ царю, чтобы онъ развелся съ неплодною своею супругою. Значитъ, они не почитали Димитрія наслѣдникомъ Θеодора.

Противъ этого возраженія мы отвѣчаемъ слѣдующимъ: если Діонисій и Шуйскіе желали развода Θеодора съ Ириною, то совсѣмъ не потому, чтобы не признавали Димитрія законнымъ наслѣдникомъ, а единственно потому, что въ достиженіи своей цѣли они видѣли средство удалить отъ царя Бориса и также отнять престолъ у Димитрія, которому были враждебны.

Притомъ самъ Борисъ былъ убѣжденъ въ правахъ Димитрія. Это доказывается тѣмъ, что онъ для того, чтобы отклонить Діонисія отъ намѣренія, предположеннаго вмѣстѣ съ Шуйскими, главнымъ образомъ выставлялъ на видъ тѣ ссоры, кои непремѣнно произойдутъ между будущими сыновьями Θеодора и ихъ дядею Димитріемъ.

3) Возражаютъ: Борисъ не велѣлъ молиться о Димитріѣ и поминать его имени на литургіи, мысля тѣмъ объявить царевича незаконнорожденнымъ. Зачѣмъ было Борису прибѣгать къ этой лишней мѣрѣ, если онъ задумалъ убійство, — къ мѣрѣ, которая, ясно обнаруживая непріязнь

его къ Димитрію, навлекала на него неудовольствіе въ настоящемъ времени и оправдывало будущее сильное подозрѣніе въ предполагаемомъ убійствѣ?

Это возраженіе опровергается слѣдующимъ: Можно ли предполагать, что въ голову Бориса, вмѣстѣ съ желаніемъ устранить Димитрія отъ престола, пришла мысль объ устройствѣ его? Въ этомъ дѣлѣ Борисъ шелъ постепенно и рѣшился на убійство, какъ на средство самое крайнее, уже только тогда, когда всѣ прочія были истощены.

4) Задумавъ убійство, какъ Борисъ не удалилъ изъ Углича Нагихъ, своихъ зложелателей, какъ не избавился отъ кормилицы, преданной царицѣ? Но подобная мѣра не могла быть употреблена Борисомъ потому, что еслибы и не открыла его намѣренія, то все-же возбудила бы противъ него сильное подозрѣніе.

5) Наконецъ послѣднее возраженіе состоитъ въ слѣдующемъ:

Неуже-ли Борисъ, связанный тѣсными узами съ главою духовенства, привлекшій благодѣяніями на свою сторону весь народъ, съумѣвшій устроить дѣла такъ, что, по кончинѣ Θеодора, весь народъ умолялъ его о принятіи вѣнца, неуже-ли этотъ Борисъ могъ видѣть соперника въ отрокѣ, неимѣющемъ подпоры? Неуже-ли онъ не былъ увѣренъ, что народъ отвергнетъ царевича, если только патріархъ Іовъ, слуга Бориса, объявитъ его неимѣющимъ никакого права на престолъ, какъ рожденнаго отъ седьмаго брака.

Положимъ, что Борисъ привлекъ на свою сторону патріарха, благодѣяніями пріобрѣлъ любовь народа; но вся эта сила Бориса не ручается за то, что народъ также

сталъ бы умолять его о принятіи престола, если бы царевичъ былъ живъ. Что этого не случилось бы, то это доказывается послѣдующими событіями. Стоило только явиться самозванцу, облеченному именемъ убитаго царевича, и народъ, забывъ всѣ благодѣянія Бориса, оставилъ его и самъ же сталъ стараться объ успѣхѣ Лжедимитрія.

Когда явился самозванецъ, то народъ былъ увлеченъ единственно именемъ царевича, и не повѣрилъ Іову, который публично обвинялъ его въ самозванствѣ. Какъ же можно думать, что этотъ народъ позволилъ бы увѣрить себя въ томъ, что царевичъ не имѣетъ права на престолъ. Все это понималъ Борисъ, и потому, желая во что бы то ни стало достигнуть своей цѣли, не могъ оставить царевича въ-живыхъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, нужна ли была Борису смерть царевича, рѣшается утвердительно.

Кромѣ представленныхъ нами возраженій, которыми стараются оправдать Бориса, мы находимъ еще другія, которыя направлены противъ самаго лѣтописнаго сказанія.

Наши лѣтописцы, повѣствуя о смерти Димитрія царевича и приписывая это дѣло Борису, говорятъ, что Борисъ, задумавъ извести царевича, обратился за совѣтомъ къ приближеннымъ къ нему людямъ (Гр. Вас. Годунова), и открылся не только имъ въ своемъ намѣреніи, но чрезъ нихъ и людямъ, совершенно неизвѣстнымъ ему, на которыхъ не могъ надѣяться, что они сохранятъ его намѣреніе въ тайнѣ (Загрѣзскій, Чепчеровъ, Битяговскій, Валаховъ). Такое свидѣтельство не признаютъ достовѣрнымъ, и потому въ немъ видятъ оправданіе Бориса.

Какимъ образомъ, говорятъ, можно вѣрить тому, чтобы Борисъ, котораго цѣлая жизнь есть рядъ самыхъ тон-

кихъ хитростей, задумавъ такое дѣло, открылся въ своихъ намѣреніяхъ людямъ, совершенно ему неизвѣстнымъ, и тѣмъ поставилъ себя въ совершенную отъ нихъ зависимость. Можно ли допустить въ дѣйствіяхъ Бориса такую неосмотрительность, которая является еще болѣе непонятною, если обратимъ вниманіе на послѣдующій разсказъ лѣтописца, по которому Борисъ, повѣривши свое намѣреніе Битяговскому съ товарищами и найдя въ нихъ людей, готовыхъ содѣйствовать къ достиженію его плана, позволилъ имъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ совершенно по своему усмотрѣнію, допустилъ ихъ совершить злодѣяніе до такой степени явно, что весь народъ тотчасъ же узналъ о насильственной смерти царевича и о главномъ ея виновникѣ.

Такія возраженія выставляются противъ лѣтописца и ими стараются заподозрить достовѣрность его свидѣтельства; но, къ несчастію, остаются только при одномъ стараніи, ибо эти возраженія легко опровергаются слѣдующими соображеніями: Борисъ, задумавъ извести царевича Димитрія, по необходимости долженъ былъ открыться другимъ и искать себѣ помощниковъ. И въ самомъ дѣлѣ: обыкновенный убійца могъ совершить это дѣло безъ всякихъ помощниковъ и совѣтниковъ, но не могъ безъ нихъ обойтись Годуновъ, какъ правитель; не могъ же онъ самъ съ ядомъ, или съ кинжаломъ отправиться въ Угличъ и совершить задуманное. И благоразумно ли было ему самому сноситься съ убійцами? Ясно, что онъ заботился также о томъ, чтобы удалить отъ себя всякое подозрѣніе, и вотъ потому-то и обращается онъ къ Клешнину и дѣйствуетъ чрезъ него, какъ своего повѣреннаго.

Клешнинъ находитъ людей, готовыхъ на злодѣяніе, доноситъ объ этомъ Борису, который, вѣроятно, даетъ наставленіе, какъ приняться за это дѣло и совершить осторожнѣе (*). Но убійцы, прибывъ въ Угличъ, ясно видятъ невозможность скрытаго образа дѣйствія и потому рѣшаются на открытое злодѣяніе и совершаютъ его въ 1-мъ часу дня. Впрочемъ, и этотъ образъ дѣйствія со стороны убійцъ не можетъ быть названъ неосмотрительнымъ. Совершивъ убійство днемъ, они могли сказать, что съ царевичемъ, игравшимъ на дворѣ въ тычку, случился припадокъ падучей болѣзни, и онъ самъ накололся ножемъ. Могли ли бы они привести это въ свое оправданіе, если бы убійство было совершено ночью? Кто бы повѣрилъ, что царевичъ ложился спать съ тычкою въ рукахъ?

Сообразивъ все сказанное, мы ясно видимъ, что въ лѣтописномъ разсказѣ нѣтъ тѣхъ несообразностей, которыми думаютъ его заподозрить; напротивъ того, мы находимъ въ немъ ясные признаки достовѣрности, если обратимъ вниманіе на ту подробность, съ которою повѣствуетъ лѣтописецъ объ этомъ дѣлѣ.

И такъ возраженія, направленныя противъ лѣтописнаго сказанія, съ намѣреніемъ оправдать Бориса, опровергаются сами собою; однакожь, не смотря на это, мы не можемъ еще прямо назвать Бориса цареубійцею потому, что есть письменное современное свидѣтельство, опровергающее сказаніе лѣтописца. Мы хотимъ сказать о слѣдственномъ дѣлѣ, составленномъ въ Угличѣ княземъ Вас. Ив. Шуйскимъ, окольничимъ Клешнинымъ и дьякомъ Вылузгинымъ, по повелѣнію государя Ѳеодора Іоанновича.

(*) Битяговскій былъ поставленъ Борисомъ къ царицѣ казначеемъ.

Защитники невинности Борисовой находятъ достаточное оправданіе его въ томъ, что для изслѣдованія этого дѣла былъ посланъ Шуйскій, который принадлежалъ къ фамиліи враждебной Борису. Еслибы Годуновъ, говорятъ они, былъ въ самомъ дѣлѣ виновенъ въ этомъ дѣлѣ, то онъ непремѣнно долженъ былъ воспрепятствовать посылкѣ Шуйскаго, еслибы даже Шуйскій и увѣрялъ Бориса въ своей преданности. Могъ ли Борисъ надѣяться на эту преданность? Кромѣ того, какъ объяснить то, что Шуйскій, зная о виновности Бориса, принялъ на себя такое порученіе, которое заставляло его предъ тысячами людей кривить душою и чрезъ то навлекало на него ненависть всѣхъ Россіянъ? Могъ ли рѣшиться на это Шуйскій, тотъ самый Шуйскій, который такъ благородно и смѣло велъ себя при Лжедимитріѣ? Наконецъ, не естественно ли подумать, что Шуйскій, оказавъ такую важную услугу Борису, долженъ былъ сдѣлаться человѣкомъ ближайшимъ къ нему? Но мы не видимъ этой близости.

Вотъ въ чемъ заключаются новыя оправданія Бориса, которыя вполнѣ опровергаются слѣдующими возраженіями:

Шуйскій дѣйствительно принадлежалъ къ фамиліи враждебной Борису, но онъ также не былъ приверженцемъ Нагихъ и Димитрія, и, можетъ быть, радовался погибели царевича, но не могъ объявить виновника ея по причинѣ очень простой: онъ зналъ о могуществѣ и вліяніи Бориса на царя и понималъ, что его обличенію не повѣрятъ, такъ точно, какъ не повѣрили доносу митрополита Діонисія. Кромѣ этого, Шуйскій былъ поставленъ въ такія обстоятельства, по которымъ долженъ былъ сказать то, что было угодно Борису. Товарищами его были:

окольничій Клешнинъ, главный помощникъ Бориса въ этомъ злодѣяніи, и митрополитъ Геласій, который, будучи возвышенъ стараніями Годунова, разумѣется, держалъ его сторону. Поставивъ Шуйскаго между такими людьми, Борисъ могъ отпустить его въ Угличь безъ всякаго страха.

Возраженіе: почему Шуйскій не открылся отъ такого порученія, опровергается очень просто: отправленіе Шуйскаго въ Угличъ было дѣломъ воли царской, противъ которой онъ, разумѣется, не смѣлъ итти.

Что же касается послѣдняго возраженія, состоящаго въ вопросѣ: почему Шуйскій, послѣ Углицкаго дѣла, остался въ прежнихъ отношеніяхъ къ Борису, между тѣмъ какъ нужно было ожидать тѣснѣйшаго союза между ними? — мы можемъ отвѣчать только то, что личныя отношенія между Годуновымъ и Шуйскимъ, послѣ Углицкаго дѣла, намъ вовсе неизвѣстны, а потому мы не можемъ ничего и заключать о нихъ.

Отстранивъ, такимъ образомъ, возраженія касательно отправленія Шуйскаго, мы должны обратить вниманіе на самое слѣдственное дѣло, въ которомъ иные видятъ неопровержимое доказательство невинности Бориса.

Слѣдователи, прибывъ въ Угличъ, 19 Мая, вечеромъ, тотчасъ же приступили къ допросу.

Первый допросъ былъ сдѣланъ Михаилу Нагому, который сказалъ, что царевича зарѣзали Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Данило Битяговскій, умолчавъ о томъ лицѣ, которое ему повѣдало о родѣ смерти царевича и о его убійцахъ; а это показаніе было необходимо, потому что онъ прибѣжалъ на дворъ царицы, когда уже услышалъ колокольный звонъ. Слѣдователи же не заблагоразсудили спросить объ этомъ. Не ясно ли, что они ста-

рались соблюсти только форму и не поставляли особенной важности въ показаніи одного изъ главныхъ свидѣтелей.

Григорій Нагой показалъ противное своему брату: онъ сказалъ, что царевичъ набрушился самъ ножемъ, въ падучей болѣзни. Кромѣ этого противорѣчія въ показаніи Григорія съ показаніемъ Михаила, мы находимъ очень важное обстоятельство, именно: свидѣтельство о томъ, что они, прибѣжавъ на дворъ царицы, нашли царевича еще въ живыхъ. Объ этомъ Михаилъ Нагой не говоритъ, Григорій же Нагой не договариваетъ, считая почему-то ненужнымъ объявить, въ какомъ положеніи они нашли царевича: былъ ли у него, или подлѣ него маленькій ножъ, которымъ онъ игралъ? Эта неполнота отвѣта была опять упущена слѣдователями. Далѣе Григорій Нагой говоритъ, что когда прибылъ Битяговскій и набѣжало множество народа, то начали говорить, невѣдомо-кто, что будто бы царевича зарѣзалъ Битяговскій съ товарищами. Изъ другихъ показаній открывается, что этотъ невѣдомо-кто была царица Марія, что Григорій Нагой вѣрилъ своей сестрѣ и, по ея приказу, билъ мамку Василису Волохову. Если это было такъ, то почему Григорій Нагой, при допросѣ, перемѣнилъ свое убѣжденіе? Отвѣтовъ на этотъ вопросъ можетъ быть два: онъ одумался, увидавъ неправду своей сестры и собственную, и потому говорилъ противное своему прежнему убѣжденію, или его застращали и тѣмъ принудили говорить противное. Такъ, или иначе, но дѣло все-же остается темнымъ.

Наконецъ третій Нагой, Андрей, показалъ, что царевичъ ходилъ на заднемъ дворѣ, игралъ съ дѣтьми черезъ черту ножемъ, и вдругъ на дворѣ закричали, что царевича не стало; царица сбѣжала съ верху, а онъ, Андрей,

въ то время сидѣлъ за столомъ; услышавъ же крикъ, тотчасъ же прибѣжалъ къ царицѣ и увидалъ, что царевичъ лежитъ на рукахъ у кормилицы мертвъ, а сказываютъ, что его зарѣзали, а онъ того не видалъ, кто его зарѣзалъ, а на царевичѣ была болѣзнь падучая.

Это показаніе, взятое въ отдѣльности отъ первыхъ двухъ, является естественнымъ и правдоподобнымъ; но если мы сравнимъ его съ показаніями Михаила и Григорія Нагихъ, то должны будемъ замѣтить неправдоподобіе и несообразность. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ могло случиться, что Григорій Нагой, бывшій на своемъ подворьѣ и прибѣжавшій во дворецъ на звонъ колоколовъ, нашелъ царевича еще въ живыхъ; а Андрей Нагой, бывшій въ то время во дворцѣ и явившійся на дворѣ въ слѣдъ за царицею, нашелъ царевича уже мертвымъ?

И такъ, взявъ во вниманіе противорѣчіе и несообразность, какія мы находили въ этихъ трехъ показаніяхъ, что̀ мы должны заключить о нихъ? То, что они, по своему противорѣчію и утайкѣ главныхъ обстоятельствъ, должны быть заподозрѣны и устранены.

Но, кромѣ этихъ показаній, есть болѣе важныя: потому что они представлены очевидными свидѣтелями. Первое мѣсто между такими свидѣтелями занимаетъ мамка, Василиса Волохова. Она показала, что царевичъ игралъ съ дѣтьми ножемъ и, въ припадкѣ падучей болѣзни, накололся самъ; тогда царица Марья сбѣжала на дворъ и начала ее, Василису, бить полѣномъ, приговаривая, что Димитрія зарѣзали сынъ Василисинъ, Осипъ съ Данилом Битяговскимъ и Никитою Качаловымъ; потомъ, не слушая оправданій, она велѣла бить ее брату своему, Григо-

рію Нагому; затѣмъ начали звонить у Спаса, прибѣжали на дворъ посадскіе люди, которымъ царица Марья велѣла взять ее, Василису, прибѣжалъ на дворъ Михайло Битяговскій и началъ уговаривать Михайла Нагова и посадскихъ людей, но царица и Михайло Нагой велѣла его убить. Кромѣ этого, Василиса Волохова показала, что съ нею, во время смерти Димитрія, были: Кормилица Ирина и постельница Марья Самойлова. Спросили и этихъ женщинъ: онѣ отвѣчали кратко, что царевичъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, самъ накололся на ножъ. Эта краткость подозрительна, тѣмъ болѣе потому, что болѣе подробнаго отвѣта у нихъ и не потребовали. Спрашивали также и дѣтей, которыя играли съ царевичемъ, кто былъ съ ними на дворѣ во время смерти Димитрія. Дѣти указали на кормилицу Ирину и постельницу Самойлову, но пропустили главную — Василису Волохову. Слѣдователи не обратили вниманія на это важное обстоятельство, которое даетъ полное право думать, что дѣти говорили не свои рѣчи.

Показанія прочихъ лицъ, которыя не были очевидными свидѣтелями дѣла, также утвердительны и также согласны съ приведенными нами, и между собою. Но эта утвердительность и согласіе могутъ ли ручаться за ихъ истинность? Не должно ли признать эти показанія подозрительными? Какъ могли люди, невидавшіе сами ничего, говорить такъ утвердительно? Не ясно ли, что они говорили со словъ другихъ, повѣрить которымъ, или, по крайней мѣрѣ, повторить которыя были принуждены.

Кромѣ приведенныхъ нами обстоятельствъ, есть многія другія, заподозрѣвающія слѣдствіе, произведенное въ Угличѣ. Первое мѣсто между этими обстоятельствами за-

нимаетъ вопросъ: кто и когда началъ первый звонить у Спаса и тѣмъ привлекъ народъ на дворъ царевича?

Григорій и Михаилъ Нагіе показали, что они прибѣжали на дворъ царевича, услышавъ колокольный звонъ; мамка Василиса Волохова сказала, что Григорій Нагой находился на дворѣ и билъ ее прежде, чѣмъ зазвонили у Спаса; Григорій Нагой показалъ, что въ колоколъ началъ звонить пономарь, прозвищемъ Огурецъ; Огурецъ же сказалъ, что онъ сидѣлъ дома, когда у Спаса зазвонилъ сторожъ Максимъ Дмитріевъ Кузнецовъ, и онъ, Огурецъ, отъ себя побѣжалъ въ городъ и, когда прибѣжалъ къ Спасу, то встрѣтился съ стряпчимъ Суботою Протопоповымъ, который и заставилъ его звонить.

Вообще отвѣты, данные на вопросъ слѣдователей о томъ, кто и когда началъ звонить, отличаются страшнымъ противорѣчіемъ, запутанностію, и потому не объясняютъ дѣла; но слѣдователи удовольствовались этими отвѣтами. Что же доказываетъ такое поведеніе слѣдователей? То, что слѣдствіе было произведено самымъ недобросовѣстнымъ образомъ, что слѣдователи спѣшили собрать какъ можно болѣе свѣдѣній о томъ, что царевичъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни, не обращая никакого вниманія на противорѣчія показаній и на скрытіе главныхъ обстоятельствъ.

Чтобы болѣе подтвердить собранныя слѣдователями показанія, митрополитъ Геласій, возвратясь въ Москву, говорилъ на соборѣ святителей, что царица Марія, призвавъ его къ себѣ, просила походатайствовать предъ царемъ за Михайлу Нагова и другихъ, съ помощію которыхъ было совершено убіеніе Битяговскаго съ товарищами. Трудно доказать то, просила ли объ этомъ царица

митрополита Геласія, или нѣтъ; но, во всякомъ случаѣ, въ этой просьбѣ (если ее допустить) не льзя видѣть признанія царицы въ собственной винѣ и оправданія Бориса. Поступокъ Нагихъ заслуживалъ наказанія даже и въ томъ случаѣ, еслибы само правительство признало виновными Битяговскаго съ товарищами. Царица понимала это, и, хотя не могла оправдать Нагихъ, то все-же желала спасти ихъ, какъ самыхъ близкихъ къ себѣ родственниковъ. Митрополиту Геласію было угодно иначе понять просьбу царицы для того, чтобы еще болѣе подтвердить истинность показаній, которыя собрали слѣдователи въ Угличѣ. Цѣль была достигнута. Патріархъ Іовъ на соборѣ торжественно объявилъ, что смерть царевича учинилась Божьимъ судомъ. Всѣ повѣрили священной особѣ. Битяговскіе были оправданы, Нагіе объявлены зложелателями царя, а для Бориса путь къ престолу расширился.

Теперь единственнымъ препятствіемъ въ стремленіи его къ престолу могъ быть только народъ; но для Бориса было не трудно склонить его на свою сторону. Правленіе государствомъ находилось въ его рукахъ, а слѣдовательно въ его рукахъ были всѣ средства, чтобы привязать къ себѣ народъ, и онъ вполнѣ воспользовался этими средствами. Осыпая народъ различными благодѣяніями, онъ съумѣлъ, въ послѣдніе годы царствованія Θеодора Іоанновича, достигнуть такой любви и уваженія, что, по кончинѣ законнаго царя, тотъ же самый народъ, который за семь лѣтъ предъ симъ видѣлъ въ Борисѣ злодѣя, со слезами умолялъ его принять на себя правленіе государствомъ, видя въ немъ человѣка достойнѣйшаго всѣхъ для того, чтобы быть помазанникомъ Божіимъ.

Чрезъ пять недѣль послѣ кончины Өеодора Іоанновича, Борисъ рѣшился уступить единодушному желанію народа и дерзнулъ возложить на себя царскій вѣнецъ. Но тяжело было для Бориса ношеніе сего вѣнца. Годы его царствованія были для него годами самыхъ жесточайшихъ мученій, — мученій совѣсти: она непрестанно твердила ему объ убіенномъ царевичѣ, святая кровь котораго вопіяла предъ престоломъ Всевышняго о праведномъ отмщеніи, и это отмщеніе разразилось надъ главою Бориса. Напрасно думалъ онъ благодѣяніями къ народу и мудрымъ правленіемъ загладить для людей память своихъ беззаконій; напрасно надѣялся, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ отвратить правосудіе Божественное. Время казней для него наступило и эта казнь была тѣмъ ужаснѣе, что орудіемъ ея явился не потомокъ Рюрика, не равный Борису, а бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ, облеченный именемъ убіеннаго царевича. Какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ тѣло Димитріево вышло изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію.

Не представляя подробнаго разсказа объ этомъ ужасномъ событіи, мы обратимъ вниманіе на самую личность Лжедимитрія и постараемся рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) кто былъ этотъ чудный самозванецъ и 2) что было причиною его успѣховъ.

Не смотря на множество сказаній о Лжедимитріѣ, эта личность заключаетъ въ себѣ много загадочнаго, тѣмъ болѣе, что свидѣтельства о ней самыхъ современниковъ исполнены разительныхъ противорѣчій. Одни изъ нихъ видятъ въ немъ истиннаго царевича Димитрія, другіе — природнаго Поляка и даже побочнаго сына Стефана Ба-

торія, и наконецъ третьи — бѣглаго монаха Чудовской обители, Гришку Отрепьева. Разсмотримъ каждое изъ этихъ мнѣній. Что касается перваго изъ нихъ, по которому самозванецъ признается истиннымъ царевичемъ Димитріемъ, то оно принадлежитъ иностранцамъ, жившимъ въ Россіи, по большей части, во время самаго самозванца. Между этими иностранцами первое мѣсто занимаетъ Французъ Маржеретъ. Призванный въ Россію во время Бориса (1600 г.), онъ былъ сдѣланъ начальникомъ иноземныхъ всадниковъ и служилъ вѣрно, что особенно доказалъ въ битвѣ Добрынской съ Самозванцемъ. По смерти Бориса, онъ перешелъ на сторону Лжедимитрія, который, учредивъ охранительную стражу изъ иноземцевъ, первую роту ея поручилъ капитану Маржерету. По смерти Лжедимитрія (1606), Маржеретъ удалился во Францію, гдѣ въ 1607 г., исполняя волю короля, Генриха IV, издалъ сочиненіе, извѣстное подъ слѣдующимъ названіемъ: *Состояніе Россійской Державы въ началѣ XVII вѣка.* Значительную часть этого сочиненія онъ посвящаетъ повѣствованію о Лжедимитріѣ, стараясь доказать, что онъ былъ истинный сынъ Іоанна Васильевича Грознаго.

Всѣ свои доказательства Маржеретъ основываетъ на увѣренности, что истинный царевичъ Димитрій, посредствомъ подлога, былъ спасенъ отъ убійцъ, подосланныхъ Борисомъ. Возможность же и даже необходимость его спасенія онъ выводитъ изъ того, что намѣреніе Бориса было извѣстно многимъ, равно какъ и матери царевича, которая, съ помощію нѣкоторыхъ бояръ (Нагихъ и Романовыхъ), успѣла его спасти, потомъ воспитала тайно въ чужихъ земляхъ.

Таково мнѣніе Маржерета. Противъ него мы можемъ сказать слѣдующее:

1. Мать царевича не только не знала, но, можетъ быть, и не подозрѣвала о зломъ умыслѣ Бориса, тѣмъ болѣе, что отправилась въ Угличъ, который былъ назначенъ въ удѣлъ Димитрію самимъ Іоанномъ Грознымъ, не по его проискамъ, а по желанію всѣхъ приверженцевъ Θеодора Іоанновича.

2. Въ разсказѣ о спасеніи царевича Маржеретъ противорѣчитъ самому Лжедимитрію, который, раскрывая князю Адаму Вишневецкому тайну своего спасенія, говорилъ, что онъ обязанъ жизнію доктору своему, а не боярамъ.

3. Еслибы матери въ самомъ дѣлѣ удалось, предугадавъ намѣреніе Бориса, спасти царевича, то рѣшилась ли бы она отпустить его на нѣсколько лѣтъ въ чужую землю. Такого пожертвованія со стороны царицы не льзя было ожидать, потому что оно было противно характеру, вѣрованіямъ Русскаго человѣка, который готовъ былъ тогда скорѣе уморить свое дитя, нежели отпустить на чужбину.

Въ опроверженіе того мнѣнія, что самозванецъ былъ бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ, Маржеретъ говоритъ слѣдующее:

Вскорѣ по воцареніи Бориса, бѣжалъ изъ Москвы въ Польшу секретарь патріаршій, Гришка Отрепьевъ. Это возбудило подозрѣніе Бориса, и онъ приказалъ вездѣ учредить стражу и останавливать каждаго проходящаго, въ надеждѣ задержать бѣглеца. Но Гришка Отрепьевъ бѣжалъ, а вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ также другой человѣкъ, одѣтый въ монашеское платье. Этотъ-то другой человѣкъ

и былъ истинный царевичъ, что преимущественно доказывается тѣмъ, что вскорѣ, по смерти мнимаго самозванца, самъ Гришка Отрепьевъ, жившій въ то время въ Ярославлѣ, называлъ себя публично Гришкою Отрепьевымъ, разстригою, и клялся, что убитый Димитрій былъ истинный царевичъ, а не тотъ, за кого его приняли.

Доказательства важныя тѣмъ болѣе, что приводятся свидѣтелемъ современнымъ и добросовѣстнымъ, но въ то же время не заслуживаютъ довѣрія, потому что вполнѣ опровергаются слѣдующими соображеніями:

Какъ скоро дошла до Бориса вѣсть о самозванцѣ, онъ тотчасъ же велѣлъ объявить народу, что это обманщикъ, бѣглый монахъ, Гришка Отрепьевъ, и этимъ объявленіемъ не обманывалъ народа потому, что хорошо зналъ какъ о смерти царевича Димитрія, такъ и о томъ, кто былъ появившійся самозванецъ. Увѣренность его въ личности самозванца доказывается тѣмъ, что онъ, получивъ извѣстіе о побѣгѣ Гришки Отрепьева, а вмѣстѣ съ нимъ и двухъ другихъ монаховъ — Мисаила и Леонида, велѣлъ, во что бы то ни стало, поймать только Гришку Отрепьева, а другихъ бѣглецовъ оставить безъ вниманія. Чѣмъ же объяснить такое распоряженіе Бориса? Тѣмъ, что онъ только въ Гришкѣ Отрепьевѣ видѣлъ человѣка опаснаго для себя.

Что же касается того монаха, который жилъ въ Ярославлѣ и, послѣ смерти самозванца, называлъ себя Гришкою Отрепьевымъ, то это былъ никто иной, какъ монахъ Леонидъ, который дѣйствительно бѣжалъ изъ Москвы, а потомъ возвратился вмѣстѣ съ Гришкою, и котораго Гришка, сдѣлавшись царемъ, осыпалъ благодѣяніями и, можетъ быть, обязалъ, въ случаѣ необходимости,

назваться его именемъ. И вотъ Леонидъ, узнавъ о смерти самозванца, своего прежняго товарища, жалѣетъ о немъ, какъ о своемъ благодѣтелѣ, и, желая выразить ему свою благодарность хотя послѣ смерти, называетъ себя его именемъ.

Кромѣ этихъ соображеній, мы, въ опровержение мнѣнія Маржерета, что самозванецъ не былъ Гришка Отрепьевъ, можемъ представить доказательства болѣе разительныя, а именно:

1) Свидѣтельство роднаго дяди самозванца, Елеазара Отрепьева. Этотъ родственникъ предъ боярами Московскими, предъ Сигизмундомъ, торжественно говорилъ, что на престолѣ Русскомъ сидитъ сынъ его брата, заключенный въ монастырь за негодные поступки.

2) Свидѣтельство Шуйскаго, который лучше всѣхъ могъ знать, дѣйствительный ли это царевичъ.

Опровергнувъ мнѣніе Маржерета касательно того, что въ самозванцѣ не льзя видѣть бѣглаго монаха Гришку Отрепьева, перейдемъ къ разсмотрѣнію другаго мнѣнія, по которому иные думаютъ видѣть въ самозванцѣ орудіе Поляковъ. Неосновательность такого мнѣнія становится очевидною, когда мы обратимъ вниманіе на тогдашнее состояніе Польши.

Планъ подставить самозванца могъ быть задуманъ и исполненъ въ такомъ государствѣ, въ которомъ власть сосредоточена въ рукахъ одного человѣка, или избраннаго сословія; но Польша представляла въ то время небывалый въ исторіи примѣръ раздвоенія между государемъ и государствомъ: король ни на что не могъ рѣшиться безъ вельможъ; вельможи, руководимые личнымъ интересомъ, враждовали другъ съ другомъ, вовсе не заботясь

объ интересахъ государства. Осторожное поведеніе Польскаго правительства въ дѣлѣ Лжедимитрія доказываетъ то же самое. Лжедимитрій успѣлъ собрать въ Польшѣ только малочисленную рать. И кто же вступилъ въ составъ этой рати? Бездомовная Польская вольница, которой нечѣмъ было жить въ своемъ государствѣ, и которая рѣшилась помогать самозванцу не по желанію своего короля, а единственно потому, что видѣла въ этомъ случай для поживы. Но еслибы самозванецъ былъ поставленъ въ Польшѣ, если бы король Польскій изъ успѣха Лжедимитріева предпріятія думалъ извлечь выгоды для своего государства, то, вѣроятно, далъ бы ему бо̀льшія средства для совершенія этого предпріятія и не позволилъ бы ему итти добывать Московскаго престола съ полуторыю тысячью шляхты.

Что касается остальныхъ свидѣтельствъ о Лжедимитріѣ, въ которыхъ иные видятъ подтвержденіе мнѣнія о Польскомъ происхожденіи его, то они также легко могутъ быть устранены. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли свидѣтельство о томъ, что самозванецъ любилъ вмѣшивать въ свою рѣчь Польскія слова, служить доказательствомъ того, что онъ былъ Полякъ? Такая рѣчь самозванца можетъ быть очень просто объяснена тѣмъ, что онъ, проживъ нѣкоторое времени въ Польшѣ, конечно узналъ нѣсколько Польскихъ словъ, которыя, можетъ быть для того, чтобы похвастать своимъ знаніемъ, употреблялъ и тогда, когда говорилъ на другомъ языкѣ.

Также точно и свидѣтельство о томъ, что онъ не уважалъ ни обычаевъ, ни даже вѣры своего народа, не должно быть объясняемо его Польскимъ происхожденіемъ, а единственно тѣмъ, что онъ былъ дурной гражданинъ,

дурной человѣкъ, для котораго не было ничего священнаго.

Какъ неосновательно мнѣніе о Польскомъ происхожденіи Лжедимитрія, такъ нелѣпы и другія, по которымъ онъ признается побочнымъ сыномъ Стефана Баторія и воспитанникомъ Іезуитовъ. Первое изъ этихъ мнѣній опровергается тѣмъ, что не имѣетъ никакого основанія, второе — неумѣньемъ Лжедимитрія написать на Латинскомъ языкѣ даже слово imperator, что съ воспитанникомъ Іезуитовъ случиться не могло.

Приступая къ рѣшенію вопроса о личности самозванца, мы предположили разсмотрѣть тѣ мнѣнія, которыя были уже высказаны о ней; теперь, покончивши это дѣло, почитаемъ необходимымъ обратить еще вниманіе на нѣкоторыя доказательства, коими Маржеретъ думаетъ подтвердить то мнѣніе, что Лжедимитрій есть истинный сынъ Іоанна Грознаго..

Еслибы Лжедимитрій не былъ истинный сынъ Іоанновъ, говоритъ онъ, то воевода Сендомирскій не отдалъ бы за него свою дочь; если же бы и выдалъ, то посовѣтывалъ бы ему, по достиженіи престола, не распускать пришедшихъ съ нимъ Поляковъ и казаковъ, и наконецъ, когда пронеслись слухи объ измѣнѣ, замышляемой противъ его зятя, то убѣдилъ бы его быть болѣе осторожнымъ въ поведеніи. . . . .

На первый изъ этихъ доводовъ мы можемъ сказать слѣдующее:

Воевода Сендомирскій, соглашаясь признать бродягу своимъ зятемъ, дѣйствовалъ по желанію своей дочери, которая готова была рѣшиться на все, даже сдѣлаться супругою разстриги, чтобы только удовлетворить своему че-

столюбію, чтобы только быть царицею. А что она была женщина честолюбивая, то это доказывается тѣмъ, что она, въ послѣдствіи, не устыдилась признать своимъ супругомъ новаго самозванца — вора Тушинскаго. Такой поступокъ съ ея стороны обманомъ изъясненъ быть не можетъ. Мужей не забываютъ.

Что же касается неосторожности, которою отличалось поведеніе самозванца, по занятіи имъ престола, и въ которой Маржеретъ видитъ ясное доказательство того, что Лжедимитрій былъ истинный царевичъ, то, по нашему мнѣнію, она можетъ быть совершенно достаточно объяснена тѣмъ, что Лжедимитрій, овладѣвъ престоломъ, до того былъ очарованъ своимъ успѣхомъ, что не могъ обращать вниманіе на угрожающіе ему опасности, вѣруя, что имя, носимое имъ, будетъ для него защитникомъ отъ всякихъ бѣдствій.

Для окончательнаго подтвержденія своего мнѣнія, Маржеретъ предлагаетъ два вопроса. Первый состоитъ въ слѣдующимъ: почему, говоритъ онъ, Борисъ, услышавъ о появленіи самозванца, старался обмануть народъ ложными свидѣтельствами, а не рѣшился допросить всенародно матери царевича? На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить тѣмъ, что Борисъ, извѣщая народъ о самозванцѣ и называя его бѣглымъ монахомъ Гришкою Отрепьевымъ, говорилъ правду, а если, въ подтвержденіе этой правды, не привелъ собственнаго свидѣтельства царицы, то единственно потому, что боялся услышать отъ нея не только свидѣтельство о смерти сына, но и о томъ, кто былъ виною ея.

Касательно втораго вопроса мы должны замѣтить, что онъ не былъ бы предложенъ, еслибы Маржеретъ

имѣлъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ убіеніи Лжедимитрія. И въ самомъ дѣлѣ: вопроса о томъ, почему Русскіе, увѣрившись въ обманѣ Лжедимитрія, не схватили его, не посадили въ тюрьму и не уличили предъ всѣмъ народомъ, а умертвили безъ всякаго суда, не могло бы пріійти въ голову Маржерета, еслибы онъ зналъ, что прежде, чѣмъ былъ убитъ Лжедимитрій, царица мать была спрошена о томъ, признаетъ ли она его своимъ сыномъ и что она отреклась отъ него. Что это было дѣйствительно, такъ мы имѣемъ на это два свидѣтельства. Одно изъ нихъ принадлежитъ Петру Патерсону Упсальскому, жившему тогда въ Россіи, который говоритъ слѣдующее (1): Димитрій, видя опасность, требовалъ, чтобы Шуйскій спросилъ вдову Іоаннову, признаетъ ли она его своимъ сыномъ, соглашаясь погибнуть, еслибы она отреклась отъ него. Царица была вызвана изъ монастыря, и въ присутствіи вельможъ, съ торжественною клятвою объявила, что Димитрій, сынъ Іоанна Васильевича, давно погибъ по вѣроломству Бориса, и если она до-сихъ-поръ скрывала истину, то во-1-хъ потому, что видѣла всеобщую благодарность народа къ обманщику, а во-2-хъ потому, что все-же была признательна къ самозванцу, какъ къ такому человѣку, который явился мстителемъ Бориса, отнявшаго у ней сына, а у Русскихъ — отца-государя.

Тогда всѣ бросились на самозванца и казнили его многими ударами.

Второе свидѣтельство объ этомъ мы находимъ въ Никоновой лѣтописи (2). Лѣтописецъ повѣствуетъ слѣ-

(1) Это свидѣтельство передается историкомъ Де-Ту.

(2) Ч. VIII, стр. 15.

дующіе: «*Начашажъ стрелцы бояромъ глаголати, идемъ ко царице и допросимъ еѣ, будетъ прямой сынъ еѣ и мы всѣ за нево помремъ, а будетъ скажетъ, что онъ не прямой и въ немъ Богъ воленъ». И приидоша ко царице допрошаху еѣ, онажь ослезами возопи, нынѣ знаю его оканнова, называла есмь его сыномъ себѣ страха ради смертнова. Приидоша же и его ростригу убиша.*

Имѣя такія свидѣтельства, мы, разумѣется, не смѣемъ думать, что Россіяне умертвили своего законнаго царя, каково мнѣніе Маржерета, и противъ котораго мы можемъ выставитъ, кромѣ приведенныхъ нами, еще слѣдующія опроверженія:

1) Свидѣтельство Басманова, которое заслуживаетъ полнаго довѣрія, какъ человѣка близкаго къ самозванцу. Басмановъ прямо говорилъ о Лжедимитрію, что онъ не сынъ Іоанна Грознаго.

2) Свидѣтельство аптекаря, который служилъ Іоанну Грозному, его сыну, Борису и Димитрію. Этотъ аптекарь говоритъ, что царевичъ Димитрій былъ похожъ на свою мать, Марію Θеодоровну, а Лжедимитрій вовсе съ нею не сходствовалъ. Таково же свидѣтельство одной Ливонки, которая была повивальною бабкою у царицы.

3) Свидѣтельства 105-лѣтняго старца, служившаго дворцовымъ сторожемъ въ Угличѣ. «Я самъ видѣлъ — говорилъ онъ, — какъ, 17 лѣтъ тому назадъ, мертвый царевичъ лежалъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно игрывалъ».

4) Свидѣтельство одного монаха, который, вскорѣ послѣ коронованія самозванца, явился въ Москвѣ, и говорилъ, что это не сынъ Іоанна Грознаго, а Гришка Отрепьевъ, бѣглецъ изъ монастыря, что онъ самъ училъ его

грамотѣ, знаетъ его отца и мать, знаетъ почему родня его посадила въ монастырь. Этотъ монахъ былъ представленъ самозванцу, и за то, что передъ нимъ говорилъ то же самое, былъ казненъ.

5) Несогласіе царицы Маріи Θеодоровны исполнить намѣреніе Лжедимитрія, который, узнавъ о молвѣ, ходившей о немъ въ народѣ, думалъ, для уничтоженія ея, вырыть и перенести на другое кладбище кости того священническаго сына, который былъ убитъ вмѣсто него. Чѣмъ же объяснить несогласіе царицы исполнить такое намѣреніе Лжедимитрія, какъ не увѣренностію въ томъ, что нужно тревожить прахъ не священническаго сына, а ея собственнаго.

6) Милость, оказанная Лжедимитріемъ Шуйскому, посягавшему на его жизнь, служитъ также неопровержимымъ доказательствомъ его самозванства. Шуйскій былъ помилованъ по ходатайству царицы. Еслибы Лжедимитрій былъ дѣйствительный ея сынъ, то стала ли бы она защищать предъ нимъ того, кто хотѣлъ отнять у ней послѣднее утѣшеніе въ жизни?

Вотъ все, что мы можемъ представить въ опроверженіе мнѣній Маржерета, и думаемъ, что этого достаточно для того, чтобы имѣть право сказать, что изъ всѣхъ свидѣтельствъ о самозванцѣ, вполнѣ достовѣрнымъ мы признаемъ то, по которому въ немъ видятъ бѣглаго монаха Чудовской обители Гришку Отрепьева. Это мнѣніе, имѣя самыя разительныя доказательства своей истинности, не можетъ быть опровергнуто.

Представивъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, кто былъ самозванецъ, мы должны перейти къ рѣшенію другаго: что было причиною его успѣховъ?

Прежде, чѣмъ выскажемъ отвѣтъ на предложенный вопросъ, мы почитаемъ необходимымъ упомянуть о мнѣніи одного изъ современныхъ намъ историковъ, который, стараясь объяснить причину успѣховъ Лжедимитрія, говоритъ слѣдующее:

«Сверженіе Бориса ни для кого такъ не было нужно, какъ для бояръ; но Бориса не льзя было свергнуть никакими средствами, кромѣ самозванца, и они рѣшаются на это средство. Къ тому же находится человѣкъ съ талантами блестящими, низкаго происхожденія, имѣвшій на тѣлѣ примѣты, схожія съ погибшимъ Димитріемъ, и они, желая заставить его дѣйствовать, убѣждаютъ его, что онъ истинный, спасенный царевичъ».

Значитъ, виновники появленія самозванца — наши бояре, а главная причина его успѣховъ, его собственная непреложная увѣренность въ томъ, что онъ дѣйствительно царевичъ Димитрій.

Вполнѣ согласны съ тѣмъ, что ни для кого такъ не нужно было сверженіе Бориса, какъ для бояръ, что они искали всякихъ средствъ къ достиженію своей цѣли, но сомнѣваемся въ томъ, чтобы имъ могла прійти мысль о самозванцѣ. Принявъ такое мнѣніе, мы необходимо должны будемъ спросить: кто научилъ нашихъ бояръ составить такой замысловатый планъ? Сами они выдумать его не могли: потому что, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока не пришелъ въ ихъ землю самозванецъ и не овладѣлъ престоломъ, они и не знали, что такія чудеса иногда дѣятся на свѣтѣ. Кромѣ того, допустивъ, что бояре подставили самозванца, какъ согласиться въ томъ, что они успѣли заставить его думать о себѣ, какъ объ истинномъ царевичѣ. Развѣ предположить, что онъ постоянно находился

только въ обществѣ бояръ, составившихъ заговоръ, которые постоянно твердили ему, что онъ царевичъ? Но такое предположеніе невозможно. Наконецъ, какъ съумѣли наши бояре такъ хитро скрыть своего воспитанника, что Борисъ успѣлъ провѣдать о немъ только тогда, когда уже онъ началъ дѣйствовать? Примириться съ этими несообразностями мы не можемъ, а потому и не можемъ принять объясненія почтеннаго историка.

По нашему же мнѣнію, успѣхъ самозванца объясняется, когда мы обратимъ вниманіе на его характеръ и на время, въ которое онъ явился.

Гришка Отрепьевъ, сынъ Галицкаго дворянина, отданный въ монастырь, имѣлъ случай часто слушать разсказы о смерти убитаго царевича Димитрія, добавляемыя замѣчаніями, что этотъ убитый царевичъ сходствовалъ съ нимъ какъ въ лѣтахъ, такъ и въ самомъ лицѣ. Какое же вліяніе должны были произвести такіе разсказы на человѣка, обладавшаго пылкимъ воображеніемъ, умомъ обширнымъ и дерзкимъ, характеромъ энергическимъ? Не естественно ли то, что ему запала мысль попытать счастія; свергнуть съ престола Бориса и самому сдѣлаться царемъ на Москвѣ? Такая мысль, пришедши разъ въ горячую голову Отрепьева, не могла уже выйти изъ нея, потому что была слишкомъ завлекательна; и вотъ онъ, сперва въ шутку, предъ своими товарищами высказывалъ ее, а потомъ, сдѣлавъ изъ нея любимую свою мечту, началъ заботиться объ ея осуществленіи. Трудностей большихъ для этого ему не представилось. Стоило только пробраться въ Польшу и тамъ назваться царевичемъ, заранѣе приготовивъ кого слѣдовало, своимъ поведеніемъ, къ вѣрѣ въ эту выдумку, потомъ набрать себѣ помощниковъ и приняться

за дѣло. Какъ было задумано, такъ и сдѣлапо. Онъ оставляетъ Москву, пробирается счастливо въ Польшу, называетъ себя Димитріемъ и, хотя успѣваетъ собрать едва 1000 человѣкъ, но, твердый уже въ своемъ намѣреніи, идетъ завоевать отцовское наслѣдіе. На пути своемъ встрѣчаетъ множество затрудненій и неудачъ, но не отказывается отъ своего намѣренія потому, что въ думѣ объ исполненіи его заключены всѣ прошлые лѣта его жизни и отъ него зависитъ счастіе, или несчастіе будущихъ; не отказывается потому, что самъ поставилъ себя въ невозможность сдѣлать это. И въ самомъ дѣлѣ, отказаться самозванцу отъ своего намѣренія, значило бы самому признать себя обманщикомъ и добровольно положить голову на плаху. А развѣ для того думалъ онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ объ одномъ и томъ же, чтобы начать дѣйствовать и потомъ самому сказать, что не въ силахъ совершить начатое? Лучше погибнуть въ стремленіи къ своей цѣли, нежели отказаться отъ нея и тѣмъ уничтожить значеніе всей своей жизни. Такъ думалъ Лжедимитрій, на столько тверда была его воля, и эта твердость помогла ему достигнуть желаемаго.

Успѣхъ Лжедимитрія становится еще болѣе понятнымъ, если мы представимъ себѣ тѣ обстоятельства, среди которыхъ онъ явился.

Правленіе госрдарствомъ находилось въ рукахъ Бориса Годунова, который употреблялъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать счастливымъ подвластный ему народъ. Но напрасны были эти усилія. На Россію какъ бы само небо низпосылало разнаго рода бѣдствія; народъ страдалъ среди самыхъ благадѣяній, оказываемыхъ Борисомъ, и, страдая, не могъ же оставаться совершенно равнодушнымъ, а ста-

рался объяснить, за что Богъ такъ наказуетъ его? Какое же объясненіе могъ на это дать тотъ народъ, который и тогда уже сжился съ святою мыслію, что можетъ благоденствовать только подъ державствомъ законнаго царя, кромѣ того, что причина всѣхъ бѣдствій, несомыхъ имъ, скрыта въ томъ, что на престолѣ сидитъ убійца царя законнаго, что за его преступленія Богъ караетъ и весь народъ и не престанетъ карать до-тѣхъ-поръ, пока престолъ будетъ находиться въ рукахъ нечестивыхъ, обагренныхъ кровію царскою. Въ это-то время является самозванецъ, облеченный именемъ убитаго царевича. Народъ знаетъ о смерти истиннаго Димитрія, но готовъ повѣрить, хотя на время, въ его избавленіе, чтобы увидѣть на престолѣ сына законнаго царя; вѣритъ въ это чудо и самъ признаетъ самозванца за избранника Божія.

В. ЛЯДОВЪ.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1856. № 3).

2007050399